

УДК 351.1.86

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ (в интерпретации американских и британских специалистов)

© 2015 г. **С.Л. Печуров***

Статья посвящена истории военной разведки в целом и американской военной разведки в частности. В связи с почти аналогичными взглядами американских и британских специалистов на проблемы, связанные с зарождением и функционированием спецслужб, данная статья даёт общую картину особенностей разведдеятельности обоих государств.

Ключевые слова: разведка, вооружённые силы, ВМС, ВВС, военные действия, Первая мировая война, Вторая мировая война, революция в военном деле

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что внешнеполитическая разведка появилась с возникновением государства и оформлением в его рамках структур, отвечающих за обеспечение национальных интересов, в том числе в сношениях с сопредельными и иными субъектами международных отношений. Таким образом, история внешнеполитической разведки теснейшим образом связана с историей государства и насчитывает многие столетия и даже тысячелетия.

Резонно возникает вопрос: с чего начинать отсчёт существования военной разведки? На первый взгляд, ответ очевиден: с той же поры, что и возникновение государства, которое, как субъект международных отношений, тут же начало отстаивать свои интересы (реальные или мнимые) путём применения военной силы, для чего понадобилось так называемое разведывательное обеспечение военных действий. Между тем, многие зарубежные специалисты и эксперты в области истории военной разведки не склонны соглашаться с таким якобы «упрощённым» видением проблемы.

Первые шаги

Известный военный теоретик и историк, британский учёный Джон Киган утверждает, что военная разведка в качестве «оформленного элемента» или «стабильной системы обеспечения военных действий» появилась в европейских государствах на рубеже XIII–XIV веков. Именно к этому периоду окрепли королевства-княжества на всём пространстве Европы, которые стали спо-

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, главный научный сотрудник НИО ГШ ВС РФ.

собны противостоять агрессивным поползновениям – викингов на Западе, мусульман на Юге и татаро-монгол на Востоке [11, р. 13]. Европейскими монархами были построены мощные фортификационные сооружения, включая непрерывную цепь крепостей-замков, и «умиротворены» соседи. Это будто бы позволило организовать прибыльную торговлю и получать «дополнительные» дивиденды в виде пошлин и в целом пользоваться результатами сформировавшейся к тому времени так называемой фискальной системы. Появившиеся избыточные финансовые средства якобы и предоставили монархам-князьям уникальную возможность не только содержать наёмную армию, но и финансировать деятельность по сути военных разведчиков-профессионалов. Киган указывает, что уже к середине XIV столетия во Франции и Нидерландах существовала обширная сеть английских разведчиков с задачей отслеживать движение воинских контингентов как враждебных, так и союзных Лондону государств [11, р. 13].

У американцев свой путь

Несмотря на схожесть так называемой европейской системы разведки, включая военную, с системой американской, одно явное отличие между ними всё же существует. В Европе, отмечается в авторитетной американско-британской военной энциклопедии «Брассей», разведывательные службы монархов в своей основе остались без изменений и после «демократического переустройства обществ». В США же вообще не существовало никакой разведывательной системы до начала Гражданской войны 1861–1865 гг., а после её окончания вся разведывательная деятельность фактически была свернута, и до начала Первой мировой войны Вашингтон не уделял серьёзного внимания развитию разведки в военной сфере как таковой [7, р. 517]. С началом же войны видам ВС США пришлось создавать собственные разведывательные службы фактически с нуля. И снова после окончания войны военная разведка, по сути, была упразднена. Достаточно успешная попытка американских энтузиастов развить у себя радиотехническую разведку была довольно грубо пресечена военным министром(!) Генри Стимсоном: «Джентльмены не читают чужую переписку!» [4, с. 82]. И лишь надвигавшаяся с середины 30-х годов серьёзная перспектива начала мирового военного конфликта заставила американское руководство всерьёз заняться разведывательной деятельностью в военной сфере, что США с относительным успехом и делают по настоящее время.

Секреты как товар...

Но вернёмся к общим трендам в развитии разведки. Примечательно, что появившиеся избыточные средства у государств напрямую определили и основные, актуальные и по сей день, методы сбора данных. Известный британский специалист в области истории разведки Марк Хьюбанд в своём аналитическом труде под претенциозным названием «Торговля секретами» прямо указывает на то, что одновременно с разведкой появились «торговля секретами» и «продавцы секретов», а разведывательные службы превратились в тривиальные рынки, где эти секреты продавались [10, р. 6]. Само собой разумеется, что

«пальма первенства» в этом не могла не принадлежать британцам, которые первыми в Европе капитализировали отношения во всех областях жизнедеятельности под лозунгом «всё продаётся, всё покупается!». Уже к началу XIX века беспрецедентно расширившиеся географические и политические границы Британской империи определили и глобальную моду для всех разведок мира на такого рода методы сбора разведывательных сведений. При этом руководители британских спецслужб довольно цинично наставляли своих сотрудников: сначала пойми, что мотивирует людей «расстаться с секретами», а затем предложи приемлемую цену. Возможно, заключает Хьюбанд, некоторые полагали, что тем самым они делают благое дело, но большинство всё же было склонно «тривиально обменять секреты на звонкую монету».

Своевременность – фактор успеха

Добыть секретные сведения – само по себе дело чрезвычайно трудное и, как видим, затратное. Но никакая информация не представляет ценности, если она добыта с опозданием, либо доставлена адресату с задержкой. В средневековом мире получить и доставить разведсведения с упреждением, кроме как на коротких расстояниях, было почти невозможно. Предоставление критически важной информации путём опережения наступающего противника в условиях недостаточно развитой транспортной инфраструктуры того времени было довольно редким явлением. Так продолжалось вплоть до XVIII века, пока европейские армии и обеспечивающие их структуры, включая разведку, не достигли относительного совершенства.

Сформировавшиеся системы военной разведки в тот период качественно отличались от времён средневековья: новое вооружение, профессионализация военной службы и относительно качественное образование офицерского корпуса «подняли» на весьма высокий уровень получаемую и анализируемую специалистами информацию. Но оставалась нерешенной проблема своевременности её доставки, что всегда было критичным фактором в разведобеспечении военных действий. В основном средства доставки были те же самые, что и столетия назад – «на конной тяге». По этой причине разведка в тот период, как подчёркивают эксперты Н. Остин и Н. Ранков, «редко приносила победу исключительно за счёт себя». Разведсведения, какими бы ценными они ни были, доставлялись слишком медленно, чтобы принести реальное преимущество. Эксперты приводят пример, который описывал, как британский полководец Веллингтон, будущий «победитель Наполеона», находясь со своим экспедиционным корпусом в Испании и получая с задержкой разведсведения «вёдрами», не имел времени «отделить зёрна от плевел» [6, р. 13]. Может быть, именно по этой причине в тот период стали отдавать предпочтение не оперативно-тактической, необходимой на поле боя, а стратегической, по сути военно-политической разведке, которая превращала разведсведения в аналитически обработанную информацию. Она касалась общих планов войны, взглядов конкурирующих фракций в стане вероятного противника на возможные военные действия, направлений стратегических ударов и т.п., но не конкретных способов и форм военных действий. Такая информация представлялась с сущест-

венной задержкой, что, по сути, не влияло на нюансы боестолкновений. Киган подчёркивает, что именно по этой причине десять французских кавалерийских дивизий, брошенных на германский фронт в 1914 г., оказались явно «недостаточными» и совершенно «неприемлемыми» для отражения массового вторжения германских войск на французскую территорию. Кстати, французская разведывательная служба потерпела очередную неудачу в том же самом районе в 1940 году [11, р. 18].

Из всего этого можно сделать вывод о том, что сбор разведывательных сведений в реальном времени требует, прежде всего, чтобы командир имел доступ к средствам связи, значительно превосходящим по скорости передвижение противника как по суше, так и по морю и воздуху, а в современных условиях – и в космическом пространстве. С этим всегда был связан феномен внезапности. Если в Средневековой Европе внезапность нападения была довольно распространённым явлением (в силу слабости разведки), то в последующие десятилетия этот феномен военного искусства, хотя и продолжал оставаться решающим для агрессора, но превратился в весьма труднодостижимый фактор победы.

Прорыв в развитии

Рубеж XIX–XX веков был ознаменован беспрецедентным прорывом в деятельности спецслужб, и прежде всего военной разведки, обусловленным массовым применением достижений технической революции. Пожалуй, наибольшее влияние на развитие разведки оказало внедрение в войска накануне и в годы Первой мировой войны конкретных результатов изысканий в технических областях, вылившихся в создание разнообразных радиоприборов, радиолокаторов, а также фото- и акустической аппаратуры и др. Всеми этими «новшествами» уже в межвоенный период были в массовом порядке обеспечены разведподразделения и части передовых в военном отношении государств мира.

По истине эпохальные преобразования в разведобеспечении войск произошли с появлением авиации, которая практически сразу стала использоваться и как оригинальный инструмент непосредственного ведения военных действий, и как уникальное средство мобильной разведки. Сначала специально обученные летчики вели визуальное наблюдение и докладывали о его результатах заинтересованным инстанциям уже после приземления, что, тем не менее, значительно повышало оперативность разведдеятельности. Чуть позже аэропланы стали оснащаться фото- и кинооборудованием (а затем и радиосвязью), и с этого момента в составе военной авиации передовых на тот период стран появились специальные разведывательные подразделения, а затем и части ВВС. Накануне и во время Второй мировой войны аэрофоторазведка стала существенным элементом боевого обеспечения войск. Но за развитием техники порой не успевали аналитики. Уже после войны достоянием гласности стали факты того, что британцы, сделавшие ещё в 1943 г. массу фотографий с воздуха германских объектов по развешиванию Фау-1 и Фау-2 в Пенемюнде, на первых порах не могли идентифицировать это «супероружие Гитлера», в

результате чего пришлось обращаться за помощью к другим видам разведки [11, р. 22].

В 1950-е и особенно в 1960-е годы без фотоснимков, полученных с самолётов, а затем и спутников (космическая разведка), уже не обходилось ни одно мероприятие в рамках конвенциональных боевых действий, не говоря уже о спецоперациях, когда добыть разведсведения другим путём и, самое главное, относительно безопасно и быстро представлялось затруднительным. О «популярности» такого способа добывания интересующей командование информации говорит следующий факт, приведенный в аналитическом исследовании британского специалиста Джона Хьюза-Уилсона. Во время войны во Вьетнаме (середина 60-х годов прошлого века) у американцев скопилось такое огромное количество ящиков с фотографиями, сделанными с воздуха и из космоса, которое они просто не в силах были обрабатывать, хотя и привлекли для этого беспрецедентное количество специально обученных аналитиков [4, с. 22]. Постоянно возрастающее значение визуальной, а затем и радиотехнической разведки с воздуха и из космоса привело к созданию в США в рамках военного разведсообщества весьма мощных специальных структур – Национального управления воздушно-космической разведки (1960 г.) и Национального управления геопространственной разведки (1996 г.).

На рубеже XX–XXI веков для наблюдения с воздуха стали в массовом порядке применяться беспилотные летательные аппараты (БЛА), благодаря которым реализовалась «мечта разведчиков» по фактически круглосуточному (а, порой, многосуточному) мониторингу поля боя. Бывший в середине 2000-х годов министром обороны США Роберт Гейтс с восторгом вспоминает о том, как он в режиме реального времени из штаба американской группировки в Ираке наблюдал передаваемую с борта БЛА «картинку боестолкновений» [8, р. 128]. Массированные поставки этих аппаратов в войска потребовали срочной реорганизации системы подготовки операторов, ими управляющих, и аналитиков, умеющих «читать» получаемую таким образом информацию. Гейтс далее с гордостью вспоминает, что благодаря его личным усилиям количество американских «команд БЛА» в Афганистане и Ираке было быстро доведено почти до 60 [8, р. 133].

От телеграфа к радио

С изобретением в начале XIX века телеграфного флажкового кода морские военачальники приобрели возможность на расстоянии в десятки миль передавать и получать разведсведения и готовиться к запланированным ими акциям. При внезапном нападении адмирал, имея корабли на сигнальном расстоянии, всегда располагал временем, чтобы выстроить их в «боевую линию». И только с изобретением в начале XX века беспроводного телеграфа и его адаптаций для военно-морских сил адмиралы смогли реально управлять своими флотами на дальних расстояниях.

Развединформация, полученная и переданная фактически в реальном времени, в промежуточный период, который охватывал изобретение электрического телеграфа в середине XIX века и его замену на кабельные телефонные

коммуникации и радио в начале XX века, превратилась в важнейший фактор обеспечения победы в бою. Однако уже в годы Первой мировой войны в условиях интенсивных артобстрелов и авиационных бомбардировок, в результате которых постоянно нарушались кабельные линии связи, а радиоаппаратура была ещё слишком громоздкой, чтобы её использовать на «передовой», практическая значимость таких способов доставки разведсообщений, отягощённых немалой тратой времени на их расшифровку (не говоря уже о дешифровке переписки противника) в полевых условиях была существенно поколеблена. В военно-морских же силах картина складывалась несколько иначе, можно сказать более позитивно. Радиосвязь в пределах флотов и удалённых от морских ТВД баз, из-за постоянной доступности мощного источника электрического тока на приводимых в движение турбинами боевых кораблях, оставалась главным и самым надёжным средством доставки разведсообщений. Уже после окончания Первой мировой войны всем стало очевидно, что будущее военно-морской связи и, соответственно, передача разведсообщений будут основаны именно на радио [11, р. 20].

«Узкие» места

Но радиотелеграфия, как почти сразу осознали в высших кругах разведок ведущих государств того времени, имеет свои существенные недостатки. Противник, воспользовавшись радиоперехватом, будет также хорошо проинформирован, как и основной получатель сообщений. Единственный безопасный способ отправки сообщений по радиоволнам на большие расстояния – кодирование. Но это вело к кардинальной перестройке всей системы передачи данных и существенной задержке в доставке критичной в бою развединформации. В сухопутных войсках и ВВС (первоначально роде СВ) в динамике ближнего боя, когда время ограничено, не оставалось другого вида связи как радиотелефония. Но при этом была абсолютно исключена любая форма шифрования переговоров, а, тем более, передачи разведсообщений, в силу того, что аппаратуру для этого было невозможно разместить не только в кабине лётчика, но даже в штабах частей и соединений сухопутных войск.

Технический прогресс в конце концов обусловил выход из сложившегося тупика. Западные разведки, прежде всего британская и германская, уже в первые десятилетия XX века смогли не только создать стойкие шифры и минимизировать габариты шифраппаратуры под решение практических задач передачи разведданных в полевых условиях, но и сконструировать механические, а затем и удобные в применении электрические машины для дешифрования переписки политического и военного руководства противника.

Триумф криптографии

Безусловно, эпохальным событием в истории военной разведки стал существенный прогресс в деле вскрытия шифров, в том числе зашифрованных сообщений, передаваемых по радиокоммуникациям. Особого внимания заслуживает успех польско-британских криптографов в 30-е годы прошлого века по взлому казалось бы «невзламываемой» германской шифровальной машины

«Энигма» и организации британцами уже в годы Второй мировой войны «Специального подразделения связи» (СПС), которое обеспечивало руководство Великобритании бесценной информацией о планах нацистской Германии и её военного командования на всех фронтах и театрах военных действий.

Как и в прежние годы, ключевым фактором и критерием «пользы» в работе данной разведслужбы был фактор времени. Один из инициаторов создания СПС и руководитель специально разработанной операции «Ультра» по вскрытию германских шифров Фредерик Уинтерботэм вспоминал о том, что «радиограммы Гитлера поступали к Черчиллю... в течение часа после их передачи в эфир» [3, с. 179]. За это время британцы не только перехватывали зашифрованную переписку противника и «вскрывали» её, но и «ухитрялись» качественно переводить содержание посланий и даже аннотировать их. Для этого, конечно же, подбирался соответствующий хорошо подготовленный и тщательно проверенный персонал.

Но грош цена результатам этой в высшей степени интеллектуальной работы, если она не обеспечивается такой же высокой степенью защиты или секретности. Иначе прознавший о «взломе» его шифров противник будет не только менять их с частотой, исключающей фактор упреждения и ведущей к лишней трате времени и усилий на вскрытие новых ключей, но и, что вообще чревато «провалом всей затеи», к созданию новых машинных шифров и принципиально новых шифровальных машин. Упомянувшийся выше Уинтерботэм приводит немало примеров, когда строгая секретность вокруг источника информации, полученной благодаря реализации операции «Ультра» и предоставлявшейся британским, а затем и американским военачальникам, долгое время вызывала скептицизм и даже откровенное недоверие относительно «уж слишком детализированных данных разведки». Но в конце концов, пишет Уинтерботэм, некоторые военные руководители англосаксов настолько привыкли полагаться на результаты «Ультры», что стали откровенно пренебрегать другими источниками информации. А «восходящая звезда» британского военного истеблишмента фельдмаршал Бернارد Монтгомери вообще стал выражать недовольство тем, что развединформация по линии «Ультры» параллельно доводилась до Черчилля и Эйзенхауэра [3, с. 169]. Это якобы принижало в глазах руководства и общественности его «таланты военачальника-провидца», что, тем не менее, не помешало западным историкам включить Монтгомери в список «наиболее выдающихся полководцев времён Второй мировой войны».

С другой стороны, противник, прознавший о вскрытии его шифров, может воспользоваться этим для «тонкого дезинформирования оппонента» о своих планах и намерениях. Весьма осторожный и даже подозрительный Сталин, «вынужденно» проинформированный британским премьером Черчиллем о грядущем германском вторжении на территорию Советского Союза (без ссылки на источник получения этой информации), резонно счёл «предупреждение» за утончённый ход Лондона с целью несвоевременного вовлечения Москвы в «игру с крупными ставками» [3, с. 90]. Примечательно, что ни британцы, ни американцы на всём протяжении войны фактически ни разу не проинформировали своего «восточного» союзника по антигитлеровской коалиции о сколь-

ко-нибудь заслуживающих внимания и известных им, благодаря «Ультре», планах и намерениях политического и военного руководства нацистской Германии. Секретность формально была соблюдена, «утечка» исключена, но... оставим этот «пассаж» для суда истории.

«Не лыком шиты»

Менее известный широкой публике, но также «прорывной» факт в деле вскрытия замыслов противника имел место и в другом полушарии Земли. Речь идёт об успехах американских криптографов из сухопутных войск (армии) и ВМС, почти одновременно, также накануне Второй мировой войны, взломавших японские шифры и формально обеспечивавших государственное и военное руководство США важнейшей информацией о намерениях Токио [4, с. 81]. Успех американцев несколько нивелируется тем обстоятельством, что японские шифры были менее стойкими, чем у их германских союзников. Кстати, британский историк разведки Джон Хьюз-Уилсон объясняет это «самоуверенностью самураев», считавших не только свои шифры, но и японский язык «слишком трудными для освоения европейцами» [4, с. 87]. Остаётся загадкой, почему в таких «благоприятных» условиях американское командование тривиально прозевало нападение на Пёрл-Харбор. Но и японские криптографы были, что называется, «не лыком шиты». Уже после войны, указывает Дж. Хьюз-Уилсон, англичане к своему ужасу обнаружили, что в 1941 г. японцы читали всю секретную переписку Черчилля и военного кабинета в Лондоне с главнокомандующим британских войск в Сингапуре [4, с. 145]. В свою очередь и германцам ещё в начале войны удалось завладеть британскими справочниками морских кодов и умело использовать их в перехвате шифрпереписки англичан, о чём последние «догадались» слишком поздно и неприглядный факт чего пытаются замалчивать на протяжении всех послевоенных десятилетий [4, с. 147].

«Противоядие»?

Между тем американский историк военной разведки Джонатан Хаус подчёркивает, что во избежание возможности перехвата переписки и её дешифрования с отягчающими последствиями для своих войск многие военачальники предпочитали пользоваться связью «по проводам», что якобы затрудняло перехват. Но и здесь нашлось «противоядие». Он приводит факты, когда французским бойцам Сопротивления в годы Второй мировой войны удалось подключиться к телефонным линиям Вермахта и с избытком обеспечивать западных союзников информацией о планах мероприятий германских оккупационных войск [9, р. 20]. В 50-е годы прошлого столетия подключение разведслужб к проводной связи противника было поставлено, что называется, на широкую ногу. Достоянием гласности стала операция «Голд», проведённая американцами совместно с британцами в 1954 г. в Берлине, в ходе которой было осуществлено подключение к подземному телефонному кабелю, связывавшему штаб Группы советских войск в Германии с Москвой. Американско-британская затея, правда, очень быстро была разоблачена с помощью советского «суперагента»

Джорджа Блейка, внедрённого в британскую разведку [1]. Другой пример: в 1970-е годы в период «окопной войны» на Голанских высотах израильским разведчикам удалось протянуть кабель через линию прекращения огня и подключиться к телефонным коммуникациям, связывавшим 5-ю и 7-ю пехотные дивизии сирийских войск, что позволило Тель-Авиву быть в курсе планов противника. Однако это не стало гарантией для предотвращения «внезапного» нападения арабов на позиции израильтян на тех же Голанских высотах в октябре 1973 г. Приблизительно в эти же годы заокеанская разведка сделала существенный шаг вперед в деле подключения к «проводным коммуникациям», задействовав для этого космическую разведку. О данных фактах стало известно общественности благодаря успешной работе советской контрразведки, взявшей с поличным американских «дипломатов» при попытке замены блока питания. Накануне американцам удалось установить специальный индуктивный датчик для съёма информации на телефонный кабель, связывавший секретный объект в Троицке с Москвой. Данное устройство выборочно списывало интересующую Вашингтон информацию и транслировало её на американский разведспутник, пролетавший в определённый момент над данным районом, а затем информация передавалась в центр обработки [1]. Так что, как видим, и проводные коммуникации оказались не лишены определённых недостатков.

Глобальная «прослушка»

Успехи криптографов в годы войны и появившиеся в этот же период сначала предшественники компьютеров, а затем и полноценные мощные ЭВМ, обладавшие возможностями накапливать и обрабатывать огромные массивы данных, подвигли англосаксов в лице Вашингтона и Лондона к идее тотальной прослушки всех и вся. И уже к концу 40-х годов прошлого века США имели полностью сформированную сеть радио- и радиотехнической разведки по всему миру, в 1952 г. официально переданную под контроль созданного под эти цели Агентства национальной безопасности (АНБ), новой структуры в рамках военного разведывательного сообщества. Американцы и британцы (в лице Центра правительственной связи – ЦПС) быстро договорились о распределении зон ответственности в рамках тщательно отработанной глобальной системы перехвата электронных сообщений, которая получила название «Эшелон». Система вполне успешно функционировала, отбирая в переработку миллионы сообщений в год, которые затем необходимо было проанализировать. И вот здесь начали возникать трудности, вызванные физической невозможностью обработки буквально тонн информации, что объяснялось отсутствием достаточного числа аналитиков для подобной работы. В этой связи западные военные историки подчёркивают тот факт, что по мере развития технической составляющей разведки формировалось и трудноразрешимое противоречие между постоянно увеличивавшимися объёмами информации и невозможностью её обработки в приемлемые сроки.

Но эти «трудности роста» не могли остановить заокеанских стратегов, продолжавших в 70–80-е и последующие годы XX века не только методично на-

рацивать потенциал радио- и радиотехнической разведки ВС США, но и совершенствовать методы её «работы». Достаточно упомянуть грандиозную по тем временам разведывательно-диверсионную операцию американских спецслужб, осуществленную в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 г. в попытке «одним махом» вскрыть всю радиотехническую сеть группировки советских войск на Дальнем Востоке. В этой операции американцами был задействован целый разведывательный комплекс, в который вошли: «южнокорейский» Боинг-747, оснащённый разведывательными радиотехническими средствами; несколько специальных разведывательных самолётов; ряд кораблей ВМС США; наземные станции слежения на Алеутских островах, Гавайях, в Японии и в Южной Корее и, наконец, спутник радиотехнической разведки «Феррет-Д». Для пресечения этой, по сути, провокации Советский Союз применил силу, в результате чего Боинг был сбит, а Москва оказалась в центре развёрнутой против неё жёсткой кампании в СМИ и попыток изоляции на международной арене. И лишь со временем было убедительно доказано, что якобы сбившийся с курса южнокорейский гражданский самолет в действительности был летательным аппаратом, принадлежавшим американской военной разведке [2]. Во всяком случае данная операция наглядно продемонстрировала беспрецедентные возможности технических средств разведки, которые существенно возрастают в случае их комплексного применения.

Киберэпоха

Упомянувшийся ранее британский эксперт в области разведки Дж. Хьюз-Уилсон указывает на то, что «сегодня на фоне Интернета и сканера ещё десятилетие назад весьма популярные факсы уже выглядят безнадежно устаревшими». «Бурное распространение Интернета и текстовых сообщений из компьютеров и мобильных телефонов, – продолжает Хьюз-Уилсон, – означает, что разведывательные службы типа АНБ и ЦПС встали перед серьёзными вызовами» [4, с. 473]. Однако специалисты спецслужб нашли выход из сложившейся ситуации путём применения современной компьютерной технологии, чтобы разрешить те самые трудности, которые и создаёт эта технология. В частности модернизированная система «Эшелон» не пытается прослушать передачи: она только записывает всё, что слышит. После чего самые сложные компьютерные программы сканируют материал, выискивая ключевые слова, представляющие интерес для разведки: «террорист», «Аль-Каида», «ядерный» и т.п. Проверяются лишь те сообщения, которые содержат эти ключевые слова, сначала посредством второго, а затем и третьего электронного сканирования. И только после этого, если сделано достаточное количество компьютерных «сличений», требуемый сигнал выбирается для проверки аналитиком разведки.

В наше время, в так называемый век компьютерных телекоммуникационных сетей, объединивших всё человечество, ангlosаксы просто не могли не воспользоваться своими возможностями, чтобы не «поставить достижения технологической революции на службу собственным национальным интересам», обеспечиваемым разведкой. Согласно недавним разоблачениям сотруд-

ника американских спецслужб Эдварда Сноудена, достоянием мировой общественности стали факты разработки за океаном программы *PRISM (Program for Robotics, Intelligent Sensing and Mechatronics)*, благодаря которой АНБ получает любую информацию, передаваемую клиентами таких телекоммуникационных гигантов, как «Майкрософт», «Гугл», «Фейсбук», «Эппл» и др. Благодаря этим технологиям получаемых АНБ данных достаточно для того, чтобы контролировать деятельность практически всех «продвинутых» пользователей Интернета [5]. Безусловно, технический прогресс не остановить, и со временем новые технологии будут ставить перед разведчиками и новые задачи.

Без агентуры никак

Несмотря на революцию в области информации и, как следствие, массовое внедрение во все области жизни новых технологий, суть проблем, стоящих перед разведкой, в принципе не изменилась. Какие бы дорогостоящие и технически сложные новшества ни внедрялись в разведку, подчёркивает британский историк Дж. Хьюз-Уилсон, существует вероятность получения информации лишь о том, чем располагает противник и где он находится, но всегда будет не хватать надёжных сведений о его реальных намерениях, а это может обеспечить не кто иной, как только «агент в стане врага» [4, с. 493]. Американцы, например, к 1990 г. обладали исчерпывающей информацией о военном потенциале Ирака, но в силу отсутствия в окружении диктатора «своего человека» попросту не смогли «просчитать» решимость Саддама Хусейна дать приказ на вторжение в Кувейт, что и повлекло за собой цепочку «неприятностей» для США, которая не прервалась и по сей день.

Вербовка агентов во все времена считалась «высшим достижением» в сфере разведдеятельности. И во все времена мотивациями для привлечения того или иного субъекта для «работы» были политико-идеологические, меркантильные, либо тривиальный компромат и последующее склонение субъекта к работе на противника. Оставляя в стороне более-менее понятную проблему мотивации, остановимся на некоторых других аспектах, связанных с «работой» агента.

Если результативность деятельности так называемого технического кластера разведслужб количественно чётко измерима, то критерии определения полезности деятельности агента весьма туманны. Например, как вполне справедливо полагают некоторые западные аналитики, логично считать, что чем больше перехваченных радиосообщений, тем эффективнее работа средств перехвата и персонала, его обслуживающего. А как измерить работу, и, соответственно, полезность агента и возглавляемой им сети, от которых ждут не столько фактических данных о количестве или качестве вооружений противника (что, в принципе, можно вполне достоверно получить и другим, менее затратным и даже легальным путём), сколько «вскрытия» намерений руководства противной стороны. Упомянувшийся специалист Хьюз-Уилсон однозначно считает, что «агентурная разведка трудна как для измерения, так и для осуществления» [4, с. 365].

Британский эксперт в области спецслужб Джон Киган указывает на две, по его мнению, основные проблемы в осуществлении агентурной разведки: во-

первых, это фактор «запаздывания» в информировании Центра; во-вторых, это физическая невозможность убедить Центр в своей правоте, если у последнего возникли сомнения в достоверности переданной информации [11, р. 22-23]. Задержка в доведении важной информации агентом до заинтересованных инстанций в принципе считается формально преодолимой трудностью, памятуя о революционных изменениях в средствах коммуникаций. Хотя именно форсирование и без того рискованного процесса с «доставкой» информации в Центр зачастую становится главной причиной (помимо тривиального предательства) многих провалов ценных агентов.

Отсутствие «своего человека» в ближайшем окружении руководителя державы-оппонента, как подчёркивалось выше, – крупный недостаток разведслужбы. Но и наличие такого ценного агента может оказаться бесполезным, если он перестал пользоваться доверием руководства своей страны. Обычно в западных исследованиях, посвящённых истории разведки, приводится пример с советским военным разведчиком Рихардом Зорге, обладавшим беспрецедентным доступом к секретам Третьего рейха, но якобы не пользовавшегося абсолютным доверием советского руководства, прежде всего Сталина [12, р. 236-237]. Примером из недавней истории может служить предположение того же Кигана о том, что возможно из-за недоверия к своему агенту «на высоком уровне» в Египте израильское руководство скептически отнеслось к его информации о сроках планировавшегося наступления арабов на позиции ВС Израиля на Синае и Голанских высотах в 1973 году [11, р. 23].

Вообще же большим минусом в работе агента считается его «круглосуточная» уязвимость, и не только при связи с Центром посредством радиоэлектронных устройств, но и когда он пытается использовать тайник, вставляет микроточку в невинную корреспонденцию, встречается с курьером и в сотнях других рискованных обстоятельств. И тем не менее, практически все западные эксперты в области разведки в один голос заявляют: без старейшего из всех видов оружия – агентуры в стане врага – в обозримом будущем не обойтись!

Вместо заключения

Развитие военной разведки как таковой обозначено вехами, которые во многом совпадают с этапами технической революции в военном деле. Этот факт однозначно указывает на жёсткую зависимость или опору военной разведки на технологии и их применение в военном деле в целом. При этом проверенные временем агентурные методы не сданы в архив. Но в любом случае не следует забывать постулат о том, что даже хорошая разведка не даёт положительных результатов при слабой обороне!

Список литературы

1. *Атаманенко И.* Страсти вокруг «Объекта Троицк» // Независимое военное обозрение. 26.09–12.10.2014. № 34.
2. *Атаманенко И.* Чудовищная провокация // Независимое военное обозрение. 19–25.09.2014. № 33.
3. *Уинтерботэн Ф.* Операция «Ультра». М.: Воениздат, 1978. 224 с.

4. *Хьюз-Уилсон Дж.* История катастрофических провалов военной разведки. Екатеринбург: «ГОНЗО», 2014. 496 с.
5. *Шарилов П.А.* Уотергейт 2.0: разоблачение технологий АНБ США // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 5. С. 63–78.
6. *Austin N. and Rankov N.* Exploratio: Military and Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to Battle of Adrianople. London: Routledge, 1995. 320 p.
7. *Brassey's Encyclopedia of Land Forces and Warfare.* Executive Editor Col. F.D. Margiotta. Washington, London: Potomac Books, 1993. 1000 p.
8. *Gates R.M.* Duty: Memoirs of Secretary at War. New York, Alfred A. Knopf, 2014. 640 p.
9. *House J.M.* Military Intelligence, 1870–1991: A Research Guide (Research Guides in Millitaru Studies). Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1993, 184 p.
10. *Huband M.* Trading Secrets: Spies and Intelligence in the Age of Terror. I.B. Tauris. London: Greenwood Press, New York, 2013. 272 p.
11. *Keegan J.* Intelligence in War. Knowledge of the Enemy from Napoleon to Al-Qaeda., New York: Alfred A. Knopf. 2003. 387 p.
12. *Laqueur W.* A World of Secrets: The Uses and Limits of Intelligence. New York: Basic Books, 1985. 404 p.